

Глава 7

Практика Европейского Суда: решение вопроса о приемлемости в связи с российскими делами

Алекс Уилкс

7.1 ВВЕДЕНИЕ

Как говорилось в гл. 6, правила Европейского Суда относительно приемлемости являются важнейшей частью системы Европейской Конвенции, ст. 34 которой устанавливает критерии, относящиеся к статусу «жертвы» нарушения, а ст. 35 — критерии приемлемости жалобы. В настоящей главе рассматриваются решения, вынесенные Судом относительно приемлемости жалоб против Российской Федерации, и выделяются основные моменты, вытекающие из этой практики.

7.2 СТАТУС «ЖЕРТВЫ»

Установленные в ст. 34 критерии относительно того, кто обладает правоспособностью для обращения с жалобой в Суд, довольно мягки, однако содержат требование, согласно которому заявитель должен утверждать, что является «жертвой» одного или более нарушений Конвенции¹.

В деле *Даниленков против России*² Суд, указав, что ст. 34 не допускает подачи жалоб от имени неопределенного круга лиц (*actio popularis*), тем не менее согласился с тем, что на всех 32 членов Калининградского отделения Союза докеров России оказало влияние предполагаемое нарушение их права на свободу объединения и дискриминация, и потому они обладали правоспособностью в качестве «группы лиц». В деле *Народно-демократической партии «Ватан»*³ Суд рассматривал вопрос, являются ли «Ватан» и ее ульяновское региональное

¹ См. выше гл. 6.2 и 6.3.

² *Danilenkov v Russia* № 67336/01, решение о приемлемости от 19/10/04; см также *Marakova and others v Russia*, № 7203/02, решение от 24/02/05.

³ *Vatan (People's Democratic Party) v Russia*, № 47978/99, решение от 07/10/04.

отделение, деятельность которого была запрещена в судебном порядке, одной и той же политической партией и представляют ли они собой «неправительственную организацию» в значении ст. 34. Суд пришел к выводу, что «Ватан» и отделение не могут утверждать, что представляют собой одну политическую партию и являются «неправительственной организацией», т. к. устав отделения оставлял открытым вопрос о его структурной зависимости от «Ватан» и о том, несет ли оно перед партией какие-либо обязательства. Кроме того, не заявлялось, что действия и утверждения, которые стали причиной запрета деятельности отделения, были вызваны или санкционированы партией «Ватан». Поэтому, поскольку непосредственно на «Ватан» данный судебный запрет воздействия не оказал, то партия не могла утверждать, что является его «жертвой».

Для того, чтобы заявитель был вправе утверждать, что является жертвой, он должен обладать статусом жертвы не только на момент подачи жалобы; этот статус должен быть применим к нему на всех стадиях разбирательства⁴. Например, в деле *Никишиной против России*⁵ Европейский Суд установил, что решения Люберецкого городского суда и Московского областного суда, легшие в основание жалобы заявительницы, были отменены Верховным Судом, который направил дело на новое рассмотрение судом первой инстанции. Поэтому Европейский Суд счел, что воздействие разбирательства, ставшее основанием для ее жалоб, прекратилось, и заявительница не могла более считаться «жертвой».

В этой связи Суд также подчеркнул, что принятия в пользу заявителей какого-либо решения или меры в принципе недостаточно для того, чтобы они утратили статус «жертвы» — для этого национальные власти должны признать нарушение Конвенции либо явным образом, либо по существу и предоставить за него возмещение⁶. В нескольких делах против России Суд пришел к выводу, что, несмотря на исполнение национальными властями решений, существенные задержки при исполнении были достаточными для того, чтобы позволить заявителю сохранить статус жертвы. Например, в деле *Кольцова*⁷ заявитель жаловался на неисполнение решения о выплате ком-

⁴ См. выше п. 6.3.4.

⁵ *Nikishina v Russia*, № 45665/99, решение о приемлемости от 12/09/00.

⁶ *Amuur v France*, № 17/1995/523/609, решение от 20/05/96.

⁷ *Koltsov v Russia*, № 41304/02, решение от 24/02/04.

пенсации ущерба в связи с ранением, которое он получил во время военной службы в Чечне. Суд установил, что ни представитель Правительства в Суде, ни национальные органы власти не признали, что права заявителя по Конвенции были неоправданно ограничены неприведением решения в исполнение. Также не было предоставлено возмещения за задержку. Поэтому сам факт исполнения властями решения со значительной (на полтора года) задержкой, не может рассматриваться как основание для автоматической утраты заявителем статуса жертвы. В деле *Бурдова*⁸, несмотря на то, что правительство погасило подлежащий уплате долг (при этом лишь после подачи жалобы в Суд), заявитель не мог добиться исполнения решений в течение двух лет. Выплата сама по себе не являлась признанием нарушения прав заявителя по Конвенции, и поэтому заявитель мог утверждать, что является жертвой в значении ст. 34.

Заявители могут сохранить статус «жертвы» даже после освобождения из-под стражи или отмены приговора. В деле *Илашку и другие против Молдовы и России*⁹ молдавское правительство попросило Суд отклонить жалобу г-на Илашку, поскольку он был освобожден из тюрьмы и поэтому, по мнению правительства, не мог более считаться «жертвой». Однако Суд отметил, что, во-первых, приговор в отношении заявителя оставался в силе и заключил, что опасность приведения его в исполнение по-прежнему сохранялась. Кроме того, Суду не было сообщено о том, что заявитель был освобожден в результате помилования или амнистии. Во-вторых, Суд отметил, что жалоба заявителя касалась не только вынесения смертного приговора, но и незаконности самого задержания, несправедливости разбирательства, в результате которого был вынесен приговор, условий содержания и конфискации его имущества. Поэтому г-н Илашку по-прежнему мог утверждать, что является «жертвой» согласно ст. 34.

В деле *Посохова*¹⁰ заявитель, содержащийся под стражей, жаловался по ст. 6(1) Конвенции, что Конституционный Суд не исследовал по существу его жалобу, касающуюся вопроса о конституционности ст. 122 и 90 Уголовно-процессуального кодекса, наделяющих следственные органы полномочиями на арест подозреваемых без санкции суда. Заявитель также жаловался по ст. 13 Конвенции, что следствен-

⁸ *Burdov v Russia*, № 59498/00) решение о приемлемости от 21/06/01.

⁹ *Ilaşcu and others v Moldova and Russia* № 48787/99) решение от 08/07/04.

¹⁰ *Posokhov v Russia*, № 63486/00, решение о приемлемости от 09/01/03.

ные органы допустили небрежность при расследовании его дела. Хотя судимость с заявителя была снята, власти не признали явным образом нарушения Конвенции, и поэтому заявитель смог сохранить статус жертвы. Далее, в деле *Менешевой*¹¹ Суд установил, что к началу разбирательства в порядке надзора заявительница уже отбыла пятидневный срок административного задержания в результате незаконной выдачи ордера Железнодорожным районным судом г. Ростова, и за это ей не была предоставлена компенсация. Даже если предположить, что прекращение Ростовским областным судом административного разбирательства может быть приравнено к признанию нарушения ст. 6(1) по существу, заявительнице все же не было присуждено никакой компенсации. Суд также отметил, что правительство не пыталось утверждать, что заявительница сама должна была предпринять меры для получения возмещения, поэтому она по-прежнему могла считаться «жертвой».

Суд рассматривал и вопрос о том, сохраняет ли заявитель статус «жертвы» в случае последующего принятия правительством или национальными властями мер общего характера. Так, в деле *Полецук*¹² Суд отметил, что российские власти приняли меры, направленные на изменение практики, относящейся к переписке заключенных с Судом, а также то, что они явным образом признали факт нарушений в замечаниях о приемлемости и существовании жалобы. Однако в данном конкретном деле это не было сочтено достаточным возмещением. В частности, циркулярные письма, направленные в учреждения системы исполнения наказаний, на которые ссылалось правительство, представляли собой директивы общего применения, призванные предотвратить подобные нарушения в будущем. Эти письма не касались заявителя лично, а также не указывали на конкретное нарушение, подлежащее исправлению. В силу отсутствия связи с делом заявителя Суд не мог признать эти меры достаточными для возмещения, в результате которого заявитель мог бы лишиться статуса жертвы.

7.3 ИСЧЕРПАНИЕ ВНУТРЕННИХ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ

Из правил приемлемости наибольшей практической важностью обладают те, которые относятся к исчерпанию внутренних средств

¹¹ *Meneshova v Russia*, № 59261, решение о приемлемости от 15/01/04.

¹² *Poleshchuk v Russia*, № 60776/00, решение от 07/10/04.

защиты и подаче жалобы в Суд в течение шести месяцев с момента вынесения окончательного решения, как установлено в ст. 35(1)¹³. От заявителя требуется использовать только доступные, эффективные и достаточные внутренние средства защиты¹⁴. В делах против России Суд рассматривал эти требования в связи с различными проблемами, которые рассматриваются ниже.

7.3.1 Бремя доказывания

Напомним, что после того, как заявитель изложил в своей жалобе, какие меры были приняты им с целью исчерпания внутренних средств защиты, бремя доказывания возлагается на правительство-ответчика, которое должно указать, какое эффективное внутреннее средство правовой защиты должно было быть применено в конкретном деле¹⁵. Например, дело *Герасимовой*¹⁶ касалось продолжительности и неполноты исполнения государством решения арбитражного суда о взыскании возмещения ущерба в пользу работодателя заявительницы — частной компании с Управления социальной защиты населения администрации г. Чапаевска. В этом деле Суд отметил, что аргументы правительства, касавшиеся неисчерпания внутренних средств защиты, свелись к утверждению, что заявительница должна была прибегнуть к упомянутым средствам защиты, в том числе обратиться в службу судебных приставов. Более подробной информации относительно какой-либо национальной практики, доказывающей эффективность этих средств защиты, представлено не было, поэтому Суд установил, что правительство не смогло обосновать свое утверждение об эффективности данных средств защиты. В деле *Калашникова*¹⁷, касавшемся условий содержания в следственном изоляторе, правительство утверждало, что заявитель должен был прибегнуть к следующим внутренним средствам защиты: обращение с отдельными жалобами в суд, к начальнику следственного изолятора или в государственные органы, ответственные за исполнение уголовных наказаний. Однако Суд отметил, что, хотя заявитель не использовал ка-

¹³ См. выше п. 6.4

¹⁴ См. выше п. 6.4.5

¹⁵ См. выше п. 6.4.2

¹⁶ *Gerasimova v Russia*, № 24669/02, решение о приемлемости от 13/11/03; см. также *Yavorivskaya v Russia*, № 34687/02, решение о приемлемости от 13/05/04.

¹⁷ *Kalashnikov v Russia*, № 47095/99, решение о приемлемости от 18/09/01.

налы, предложенные правительством, очевидно, что проблемы, возникающие из-за переполненности в следственных изоляторах, носили структурный характер и касались не только заявителя. Суд счел, что правительство не продемонстрировало, какое именно возмещение могли бы предоставить эти органы с учетом признаваемых им экономических сложностей, которые испытывают администрации следственных изоляторов. Поэтому Суд решил, что правительство не доказало с достаточной определенностью, что использование предложенных средств защиты могло предоставить возмещение, и что жалоба заявителя по ст. 3 не подлежала отклонению по причине исчерпания средств правовой защиты. Кроме того, в связи с продолжительностью предварительного заключения заявителя по делу Калашникова Суд отклонил предварительное возражение правительства о том, что заявитель не подал кассационную жалобу на решение городского суда, которая могла бы сократить срок заключения заявителя на период, уже проведенный им под стражей. Учитывая, что правительство не смогло привести примеров из национальной правоприменительной практики, где срок сокращался бы на подобных основаниях, Суд не счел доказанным, что подобная жалоба представляла бы собой эффективное средство защиты.

7.3.2 Исчерпание внутренних средств защиты в Чечне (см. также разделы 6.4.7 и 6.4.8 выше)

В деле *Хашиева и Акаевой*¹⁸ — одном из первых рассмотренных Европейским Судом дел, связанных с чеченским конфликтом, — заявители жаловались на незаконное убийство их родственников военнослужащими, на пытки, которым подвергались погибшие перед смертью, и на отсутствие доступа к эффективным внутренним средствам правовой защиты, поскольку никакие правоохранительные органы в Чечне не действовали. Суд должен был рассмотреть, предприняли ли заявители все меры, каких было разумно от них ожидать, в целях исчерпания внутренних средств правовой защиты в отношении предполагаемых нарушений прав человека, допущенных представителями государства в ходе антитеррористической операции в регионе. В отношении невозможности инициирования гражданского раз-

¹⁸ *Khashiyev and Akayeva v Russia*, №№ 57942/00 и 57945/00, решение от 24/02/05; см. также *Isayeva v Russia*, № 57950/00, решение от 24/02/05.

бирательства из-за прекращения функционирования местных судов в Чечне с 1996 г., правительство указывало на две возможности — обращение в Верховный Суд или в районные суды в соседних регионах. Европейский Суд отметил, что ему не было предъявлено какого-либо решения, в котором такие суды были способны, в отсутствие результатов расследования по уголовному делу, рассмотреть по существу жалобы, относящиеся к предположительно совершенным тяжким преступлениям. Суд также отметил, что заявители не знали личностей потенциальных ответчиков и, поскольку получение ими такой информации зависело от исхода предварительного расследования по уголовному делу, они изначально не обращались с подобным иском. Несмотря на то, что Назранский районный суд (Ингушетия) присудил г-ну Хашиеву компенсацию на основании того, что во время описываемых в деле событий Старопромысловский район находился под контролем российских федеральных сил, Европейский Суд счел, что гражданское разбирательство, в отсутствие результатов расследования по уголовному делу, было неспособно установить личности преступников, и поэтому заявители не были обязаны прибегать к гражданско-правовым средствам защиты, предложенным правительством.

Что касается уголовного разбирательства, то в деле *Хашиева и Акаевой* Суд не счел необходимым устанавливать, действительно ли существует практика нерасследования подобных преступлений, как утверждали заявители, и предпочел сосредоточиться на обстоятельствах данного конкретного дела. Суд рассмотрел вопрос об эффективности уголовного разбирательства по существу и пришел к выводу, что оно было неэффективным из-за многочисленных задержек и недостатков. Соответственно, предварительное возражение правительства о неисчерпании внутренних средств правовой защиты было отклонено, поскольку в силу неэффективности уголовного расследования использование гражданско-правовых средств защиты было бы столь же неэффективным.

7.3.3 Дела о продолжительности разбирательства (см. также п. 6.4.6)

В нескольких делах против России Суд рассматривал вопрос о приемлемости жалоб на длительность гражданского или уголовного разбирательства до прекращения данных разбирательств. Вообще

говоря, такие жалобы могут подаваться в Суд при условии, что заявитель попытался использовать доступные ему средства защиты в отношении длительности разбирательства¹⁹. В отношении исчерпания внутренних средств правовой защиты в контексте одной из жалоб по ст. 13 Суд установил отсутствие в России доступных средств защиты, с помощью которых заявитель может реализовать свое право на получение судебного решения «в разумный срок»²⁰. Например, в деле *Бабурина*²¹ правительство выдвинуло возражение о том, что разбирательство в Куйбышевском федеральном суде Центрального района Санкт-Петербурга все еще не завершилось и поэтому жалобы были неприемлемыми в силу своей преждевременности. Суд установил, что заявитель безуспешно жаловался в различные судебные инстанции на задержки в разбирательстве²², а правительство не указало на другие возможности подать жалобу, которыми он мог бы воспользоваться. Поэтому Суд счел, что заявитель сделал все, что мог, для исчерпания внутренних средств правовой защиты, и отклонил предварительное возражение правительства.

7.3.4 Использование исполнительного производства

Суд также рассмотрел, должен ли заявитель прибегать к процедуре исполнительного производства после успешного судебного разбирательства (включая обращение в службу судебных приставов-исполнителей) для исчерпания внутренних средств правовой защиты. Например, в деле *Кольцова* не оспаривалось, что Министерство финансов было обязано осуществить выплаты от имени государства согласно исполнительному листу. Правительство утверждало, что заявитель должен был потребовать исполнения судебного решения о выплате службой судебных приставов-исполнителей после того, как Министерство финансов и Министерство внутренних дел не выплатили причитающихся сумм согласно исполнительному листу. Суд

¹⁹ См. также *Baburin v Russia*, № 55520/00, решение о приемлемости от 24/03/05; *Plaksin v Russia*, № 14949/02, решение от 29/04/04; *Panchenko v Russia*, № 45100/98, решение от 08/02/05; *Rokhlina v Russia*, № 54071/00, решение от 07/04/05.

²⁰ *Plaksin v Russia*, № 14949/02, решение от 29/04/04; *Kornacheva v Russia*, № 53084/99, решение о приемлемости от 06/05/03.

²¹ *Baburin v Russia*, см. выше прим. 19

²² В том числе Санкт-Петербургский городской суд, Верховный Суд РФ и Куйбышевский федеральный суд Центрального района Санкт-Петербурга.

счел, что после получения решения компетентным государственным органом использование другого государственного органа в принципе не должно быть необходимым для обеспечения исполнения этого решения. Далее, в этом деле обращение к службе судебных приставов-исполнителей лишь привело бы к тому же результату, и невозможно утверждать поэтому, что таковое является эффективным средством правовой защиты от неисполнения решения²³.

7.3.5 Надзорное производство и вопрос о шестимесячном сроке

Суд считает, что надзорное производство аналогично заявлениям о пересмотре дела и другим исключительным средствам правовой защиты и потому не является эффективным национальным средством защиты в целях ст. 35(1)²⁴. Это с необходимостью влечет последствия относительно того, укладывается ли жалоба в шестимесячный срок, если были предприняты попытки добиться пересмотра дела в порядке надзора. Например, в деле *Бердзенишвили*²⁵ Суд рассмотрел процедуру подачи надзорной жалобы, установленную новым Уголовно-процессуальным кодексом (УПК). Суд отметил, что надзорные жалобы могут подаваться в любое время после вынесения решения (даже несколько лет спустя), а также, что в соответствии со ст. 403 УПК, если президиум областного суда (краевого суда, верховного суда республики, суда автономной области, суда автономного округа, суда города федерального назначения) отклонит надзорную жалобу, она может быть направлена в Верховный Суд. Далее, согласно ч. 4 ст. 406 УПК, если судья откажет в удовлетворении надзорной жалобы или представления, председатель суда вправе не согласиться с решением судьи. Использование этих прав также не имеет временных ограничений. Суд пришел к выводу, что если бы пересмотр судебных решений в порядке надзора был признан подлежащим использованию средством защиты, то возникшая неопределенность обесмыслила

²³ См. *Yavorivskaya v Russia*, № 34687/02, решение о приемлемости от 13/05/04; *Marakova and others v Russia*, № 7023/03, решение о приемлемости от 24/02/05; *Petrushko v Russia*, № 36494/02, решение от 24/02/05; *Gason v Russia*, № 43402/02, решение от 24/02/05.

²⁴ См. *Tumilovich v Russia*, № 47033/99, решение о приемлемости от 29/06/99; *Pitkevich v Russia*, № 47936/99, решение о приемлемости от 08/02/01; *Znamenskaya v Russia*, № 77785/01, решение о приемлемости от 25/03/04.

²⁵ *Berdzenishvili v Russia*, № 31697/03, решение о приемлемости от 29/01/04.

бы правило шестимесячного срока, и потому данную процедуру нельзя считать эффективным средством защиты. Соответственно, окончательным решением по делу *Бердзенишвили* было решение кассационной инстанции, и поскольку решение было вынесено более чем за шесть месяцев до подачи жалобы в Европейский Суд, это означает, что срок для обращения в Суд был пропущен²⁶.

7.3.6 Воспрепятствование эффективному использованию права на подачу индивидуальной жалобы

С правом жертвы обратиться с жалобой в Суд по ст. 34 соотносится обязательство государства не препятствовать реализации права лица эффективно представлять и отстаивать свою жалобу перед Судом. В деле *Кляхина*²⁷ Суд счел, что, несмотря на отсутствие утверждений заявителя об оказании на него недопустимого давления, перехват писем руководством тюрьмы мог воспрепятствовать заявителям в обращении в Суд. Суд провел различие между обязательством не препятствовать осуществлению права лица на подачу индивидуальной жалобы и другими правами, установленными в Конвенции и счел, что ввиду природы данного права требование об исчерпании внутренних средств защиты к нему не относится. Учитывая важность этого права, Суд постановил, что было бы неразумно требовать от заявителя прибегнуть к обычному судебному разбирательству в национальных инстанциях в отношении каждого случая вмешательства тюремных властей в его переписку с Судом.

7.4 ШЕСТИМЕСЯЧНЫЙ СРОК (см. п. 6.5 выше)

О применении правила о шестимесячном сроке в контексте разбирательства в порядке надзора рассказывается в комментарии по делу *Бердзенишвили* в п. 7.3.5 выше.

²⁶ См. также *Denisov v Russia*, № 33408/03, решение о приемлемости от 06/05/04; *Sardin v Russia*, № 69582/01, решение о приемлемости от 12/02/04; *Ryabykh v Russia*, № 52854/99, решение о приемлемости от 21/02/02; *Tumilovich v Russia*, см. выше прим 24; *Pitkevich v Russia*, № 47936/99, решение о приемлемости от 08/02/01.

²⁷ *Klyakhin v Russia*, № 46082/99, решение о приемлемости от 14/10/03.

7.5 НЕСОВМЕСТИМОСТЬ С ПОЛОЖЕНИЯМИ КОНВЕНЦИИ

Как указывалось выше (см. п. 6.9), ст. 35(3) устанавливает условия относительно того, кто вправе обратиться с жалобой (*ratione personae*), предмета жалобы (*ratione materiae*), места и времени предполагаемого нарушения (*ratione loci* и *ratione temporis*). Применение этих принципов в российских делах рассматривается ниже.

7.5.1 *Ratione personae* (см. п. 6.9.4 выше)

Жалоба от частного лица или организации, которые не могут обоснованно утверждать, что являются «жертвой» нарушения Конвенции, признается неприемлемой *ratione personae*. Например, в деле *Roseltrans, Finlease и Myshkin против России*²⁸ заявители жаловались на то, что рассмотрение арбитражным судом их жалобы на решение Госкомимущества ликвидировать государственную компанию «Росэлтранс» не соответствовало ст. 6 и ст. 1 Протокола №1. Суд постановил, что отсутствует достаточная связь между решением ликвидировать компанию и интересами г-на Мышкина как ее генерального директора для того, чтобы заключить, что данное разбирательство затронуло его лично. Одного того, что национальные суды сочли г-на Мышкина надлежащим истцом, недостаточно для признания его «жертвой». В деле *Московской церкви саентологии*²⁹ заявители жаловались на отказ властей зарегистрировать церковь-заявительницу в качестве юридического лица. Суд заключил, что второй и третий заявители – председатель и соучредитель церкви-заявительницы – не могут считаться жертвами действий национальных властей, которые затронули только саму церковь. Далее, в деле *Шамаев и другие против Грузии и России*³⁰, касавшемся экстрадиции и заключения под стражу граждан России и Грузии чеченского происхождения, Суд установил, что жалобы по ст. 2 и 3 Конвенции тех из заявителей, которым не грозило решение об экстрадиции и которые в конце концов были освобождены властями, не могут быть признаны приемлемыми *ratione personae*.

²⁸ *Roseltrans, Finlease and Myshkin v Russia* № 60974/00, решение о приемлемости от 27/05/04.

²⁹ *Church of Scientology Moscow and others v Russia*, № 18147/02, решение о приемлемости от 28/10/04.

³⁰ *Shamayev and others v Georgia and Russia*, № 36378/02, решение от 12/04/05.

Кроме того, как подчеркивалось выше³¹, на «статус жертвы» заявителя оказывают влияние меры по предоставлению возмещения за нарушение Конвенции, принимаемые национальными властями.

Согласно критерию *ratione personae* также отсеиваются жалобы, направленные не против государства, а против частного лица или организации. Например, в деле *Тумилович*³² жалоба заявительницы на нарушение ее трудовых прав руководством частной компании, ее бывшего работодателя, была признана выходящей за пределы компетенции Суда *ratione personae* и, следовательно, несовместимой с положениями Конвенции.

7.5.2 *Ratione materiae* (см. п. 6.9.2 выше)

Жалобы, касающиеся «прав», не гарантированных Конвенцией, или иным образом не подпадающие под действие ее статей, объявляются неприемлемыми *ratione materiae*. Например, в деле *Бурдова* Суд счел, что, несмотря на недовольство заявителя положениями национального законодательства о предоставлении социальных гарантий «жертвам радиации» в Семипалатинске, он (Суд) не вправе подменять национальные власти в оценке или пересмотре уровня финансовых льгот, предоставляемых в рамках программы социальной защиты и поэтому данная жалоба была признана неприемлемой *ratione materiae*.

В деле *Калашникова*³³ заявитель жаловался на то, что Верховный Суд рассматривал его вторую чрезвычайную жалобу на вынесенный городским судом приговор со значительной задержкой и без должного рассмотрения поднятых в ней вопросов, ссылаясь на ст. 13 и ст. 2 Протокола №7, согласно которым каждый обвиняемый в совершении преступления имеет право на пересмотр приговора судом вышестоящей инстанции. Суд отметил, что жалоба заявителя относилась к рассмотрению чрезвычайной жалобы на окончательное решение, вступившее в законную силу (*res judicata*), и счел, что право на возобновление уголовного разбирательства не гарантируется Конвенцией. Поэтому данная жалоба была признана неприемлемой *ratione materiae*. В деле *Кузнецова*³⁴ заявитель жаловался по ст. 13 на отказ прокуро-

³¹ См. п. 7.2.

³² *Tumilovich v Russia*, см. выше прим. 24.

³³ *Kalashnikov v Russia*, № 47095/99, решение о приемлемости от 18/09/01.

³⁴ *Kuznetsov v Russia*, № 184/02, решение о приемлемости от 09/09/04.

ра в возбуждении уголовного дела в отношении должностных лиц, ответственных за срыв собрания челябинских Свидетелей Иеговы. Суд напомнил, что право инициировать уголовное разбирательство против третьего лица не гарантируется Конвенцией, и поэтому жалоба по данному основанию была признана неприемлемой.

В деле *Ледяевой и других*³⁵ первая заявительница жаловалась на отказ властей подтвердить факт нахождения ее дома на территории санитарной защитной зоны, ссылаясь на гарантированное ст. 10 право на свободу выражения мнения. Однако Суд не установил каких-либо элементов этого права, например, свободы распространения информации или идей, которые были бы задействованы требованием подобной юридической декларации со стороны заявительницы.

7.5.3 *Ratione temporis* (см. п. 6.9.3 выше)

Жалобы, относящиеся к нарушениям, допущенным до вступления Конвенции в силу в отношении России, то есть до 5 мая 1998 г., объявляются неприемлемыми *ratione temporis*. Соответственно, в деле *Калашникова*³⁶ жалоба заявителя по ст. 3 на жестокое обращение с ним со стороны сотрудников отдела специального назначения Управления исполнения наказаний в июле 1996 г. была признана неприемлемой. В деле *Ивановой*³⁷ муж заявительницы был убит 26 мая 1994 г., а последнее решение по уголовному делу в связи с фактом убийства было вынесено 9 сентября 1996 г., поэтому жалоба, касавшаяся смерти мужа заявительницы и отсутствия эффективного средства защиты, относилась к периоду до 5 мая 1998 г. и, следовательно, была неприемлема.

При рассмотрении жалоб на длительность разбирательства Суд, с учетом того, что его юрисдикция начинается с момента вступления в силу Конвенции, принимает во внимание состояние, в котором находилось разбирательство на тот момент. Так, в деле *Панченко*³⁸ Суд счел, что обладает компетенцией *ratione temporis* в отношении перио-

³⁵ *Ledyeva and others v Russia*, № 53157/99, решение о приемлемости от 16/09/04.

³⁶ *Kalashnikov v Russia*, № 47095/99, решение о приемлемости от 18/09/01

³⁷ *Ivanova v Russia*, № 74705/01, решение о приемлемости от 01/04/04

³⁸ *Panchenko v Russia*, № 45100/08, решение о приемлемости от 16/03/04; см. также *Kalashnikov v Russia* (см. выше прим. 17); *Nikitin v Russia*, № 50178/99, решение о приемлемости от 13/11/03; *Markin v Russia*, № 58502/00, решение о приемлемости от 16/09/04.

да разбирательства, истекшего с момента ратификации Конвенции (5 мая 1998 г.) до освобождения заявителя из-под стражи (29 февраля 2000 г.). Однако при определении того, было ли продолжающееся содержание заявителя под стражей после 5 мая 1998 г. оправданным по ст. 5(3) Конвенции, Суд учел, что на тот момент заявитель, задержанный 31 августа 1995 г., уже провел под стражей более 2 лет и 8 месяцев.

В деле *Тумилович*³⁹ две последние надзорные жалобы заявительницы были оставлены без рассмотрения председателем Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда и заместителем Генерального прокурора, о чем она была проинформирована письмами от 15 июня и 14 октября 1998 г. соответственно. Однако Суд счел, что эти жалобы представляли собой исключительные средства защиты, использование которых зависело от дискреционных полномочий председателя Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда и заместителя Генерального прокурора, и потому не являлись эффективными средствами защиты в значении ст. 35. Соответственно, эти решения об отказе в рассмотрении жалоб заявительницы в порядке надзора были несущественными для определения компетенции Суда *ratione temporis*.

7.6 ЯВНАЯ НЕОБОСНОВАННОСТЬ

В соответствии со ст. 35(3) жалоба может быть объявлена неприемлемой, если в результате предварительного изучения она не обнаруживает оснований *prima facie*, позволяющих утверждать о нарушении Европейской Конвенции⁴⁰. Жалоба является явно необоснованной, если заявитель не приводит доказательств в поддержку утверждения о нарушении или обжалуемые факты явно подпадают под ограничения, устанавливаемые Конвенцией. Например, в деле *Фадеевой*⁴¹ заявительница жаловалась по ст. 2 и 3, что действующий в непосредственной близости от ее дома металлургический комбинат подвергает опасности ее жизнь и здоровье, а отказ властей переселить ее в более безопасное место является нарушением этих положений. Однако Суд счел, что заявительница не представила медицинских за-

³⁹ *Tumilovich v Russia*, см. выше прим. 24.

⁴⁰ См. выше п. 6.10.

⁴¹ *Fadeyeva v Russia*, № 55723/00, решение о приемлемости от 16/10/03.

ключений или иных *prima facie* доказательств того, что сам факт ее проживания поблизости от завода способен поднять вопрос по ст. 3 Конвенции. Хотя было признано, что нынешние жилищные условия заявительницы являются сложными, не было оснований полагать, что они как таковые могут быть приравнены к обращению, несовместимому со ст. 3. При рассмотрении вопроса позитивных обязательств государства по ст. 3 Суд напомнил, что такое обязательство возникает, например, в контексте расследования условий содержания под стражей или жестокого обращения в тюрьме, однако вопрос о позитивном обязательства по ст. 3 мог возникнуть только там, где имеется, по крайней мере, «правдоподобное утверждение о жестоком обращении», в ответ на которое власти обязаны принять меры. Суд не смог обнаружить «правдоподобного утверждения о жестоком обращении», которое было бы сделано заявителем в ходе внутреннего разбирательства в связи с ее требованием о переселении, ставшего предметом жалобы. Суд отметил, что утверждения заявительницы в ходе вышеупомянутого разбирательства и ответы российских судов на эти утверждения касались исключительно вопроса о законности ее жилищных условий. Соответственно, жалобы заявительницы по ст. 2 и 3 были признаны явно необоснованными (хотя дело при этом было признано приемлемым в отношении ст. 8 и Суд впоследствии установил при его рассмотрении нарушение ст. 8 — см. подробнее в главе 8).

